

Путевые заметки Камиля Зиганшина. Пача-Мама

ГЛАВА 4. Каньон Колка.

В Чивае живут одни индейцы. Они, как и большинство жителей провинций, говорят на языке кечуа. Девушки весьма милостивы,

но ребята любят покорчить им рожицы.

Практически все женщины ходят в национальных одеждах.

И это не для туристов – они в ней с детства. Хотя, как мне кажется, несколько шерстяных юбок и неременная плосковерхая шляпа на голове, мало удобны для постоянного ношения. Но традиции сильнее. Поклажу (любую – от детей до хвороста) они переносят в заплечных платках. Мужчину с грузом я встретил лишь один раз – он тянул на стройку связку ржавой, толстой арматуры.

Несмотря на то, что городок расположен на высоте 3650 метров, его центр утопает в цветах

и украшен фонтаном, работающим, правда, только по праздникам.

При ходьбе, особенно в горку, явственно ощущаешь нехватку кислорода. Сердце начинает биться учащённо. Появляется пульсирующая боль в затылке, Appetit нулевой – пищу загалкиваю силком из-за необходимости подкрепить организм. Пожевал по совету хозяина хостела длинные острохвостые листья коки, но облегчения не почувствовал. Явно проявился лишь один эффект – слегка онеменела щека. Побродил по рынку. Чего здесь только нет! Одной картошки с десятков сортов (всего её в Перу 200 видов). Некоторые смешные на вид — больше похожи на мелкий горох. Картофель здесь любят и собирают обычно два урожая в год. Тут же лежат кабачки, тыквы, маис, зёрна какао, кофе, томаты, арахис, перец, папайя. И родина всех этих даров — земля инков! Можно смело сказать, что почти половина растительных продуктов употребляемых сегодня человечеством происходит из этих мест. На соседних рядах: вязанные из шерсти

викуний и альпак пончо, шарфы, свитера, длинноухие шапочки, груботканые одеяла.

На самом бойком месте, в окружении жаждущих исцеления индейцев, обросший эскулап продавал разнообразные экзотические препараты, включая высушенного аллигатора (каймана)

и проспиртованную, свёрнутую в кольца, четырёхметровую анаконду – водяного удава. Поразительно сколь живуча в народе вера в то, что чем опасней и сильнее дикая тварь, тем чудодейственнее лекарства из неё.

Неподалёку продаются ручные хищные птицы.

А рядом молоденькие альпаки для пополнения стада.

Что интересно — индейцы совершенно не привязчивые продавцы, но и в цене не уступают. Самые упёртые не сбросят и сентимо.

Солнце, раскалённое за день добела, опускаясь, быстро остывало. Воздух заметно посвежел. До захода мы с Эмилем ещё успели сходить к термоисточникам с вместительными каменными бассейнами для принятия оздоровительных ванн.

Их внутренние стенки из-за большой концентрации солей, покрыты беловатой коркой минеральных отложений. В этих бассейнах оздоравливалось несколько местных жителей. Мы присоединились к ним. Блаженствуя под лучами закатного солнца в горячей, насыщенной сероводородом, воде, я ни как не мог оторвать глаз от окружавших нас гор – настолько они были красивы. После купания заметно полегчало, а боль в голове и вовсе отступила.

Перед сном вышел во двор и застыл потрясённый. Взошедшая луна озаряла притихший городок невообразимо ярким сиянием. Небо стало прозрачно-сиреневым, и на нём не сыскать было ни единой звёздочки. Горы, подступив к домам, стояли словно стражники, охраняющие покой этих мест. Из ущелья выливалась перламутром речка. Возникло ощущение будто попал в сказку.

Спал плохо. Хотя мешок рассчитан на минус пятнадцать градусов, ужасно мёрз – это видимо ещё одно проявление горняшки. Согрелся только когда надел второй комплект термо-белья.

В виду того, что маршрут у нас чрезвычайно насыщенный, а день короткий — в этих широтах после 19 часов уже совершенно темно (ночь сменяет день в течение десяти — пятнадцати минут) вставать приходится рано. Вот и к каньону Колка, возникшему в древности в результате разлома одного вулкана на два: вулканы Карапуно (6425 метров) и Ампаго (6318 метров),

выехали задолго до восхода. Водитель уверяет нас, что в книге рекордов Гинесса этот каньон значится как самый глубокий.

Спорить с книгой рекордов, а тем более с водителем, от которого зависти твоя жизнь, не хочется, но мне кажется ущелье Кали-Гандаки в Гималаях не сопоставимо глубже и внушительней.. Одно бесспорно — южноамериканский Колка по глубине превосходит североамериканский Гранд Каньон. Правда, у того склоны поотвеснее.

Дно ущелья и нижняя часть склонов в лоскутках крошечных полей и узких, обрамлённых невысокими оградами из дикого камня, земледельческих террас. Участки небольшие. В среднем по десять соток. Выше идут леса, сменяемые редющим разнотравьем. Ещё выше — гольцы в эффектных мазках снега и льда.

Узкая дорога, вьющаяся по краю пропасти, привела нас к громадному камню на котором воздвигнут массивный крест. Альтиметр показал 4000 метров. Взобравшись на него, застыли от восхищения. Под нами на разных уровнях, в потоках восходящего воздуха величественно парили, нарезая круги, десятки кондоров – американских грифов с размахом крыльев более двух метров.

Кто-то в одиночестве,

кто-то парами, а те, кому наскучило это занятие, сев на скалу, уже просто созерцали окрестности. (Проиллюстрировать это фотографиями не могу поскольку снимал в основном на

видео). Глубоко, глубоко внизу беззвучно пенится в каменных тисках бурный поток.

Андский кондор – самая крупная птица Западного полушария. У некоторых особей размах крыльев достигает трёх метров. (В Калифорнии в музее хранится чучело кондора с размахом крыльев девять метров!!) Наиболее эффектно эти пернатые смотрятся в полёте. Блестящее чёрное оперение, воротничок из пушистых белых пёрышков вокруг голой шеи и голова, увенчанная, как у петуха, тёмно красным гребнем. Но особенно красив веер из длинных маховых перьев, венчающий края прямо обрубленных крыльев.

Что любопытно – самцы заметно крупнее самок. (Среди хищных птиц самки, как правило, больше самцов). Чета кондоров сохраняет верность друг другу на протяжении всей долгой, до 50 лет, жизни. Индейцы почитают их как повелителей верхнего мира.

В тихие, солнечные дни эти птицы часами царственно парят в потоках восходящего воздуха. Затрат энергии минимум – крыльями почти не машут. За одним кондором я наблюдал не менее десяти минут — он ими так и не шевельнул.

Отвлекла от созерцания этой красоты какая-то перемена – боковым зрением заметил, что на противоположном скате ущелья замутнело серое облачко. Пригляделся – это пыльный шлейф от камнепада, несущегося в пропасть. Одновременно до нас долетел грохот от ударов валунов. Все бросились фотографировать. А водитель завопил, тыкая пальцем:

— Mira puma! Mira puma!

Я без перевода понял: смотри, пума! До рези в глазах вглядываюсь в указанное место, но зверя не вижу. Потом сообразил – нацелил объектив фотоаппарата с двенадцатикратным оптическим зумом и почти сразу засёк убегающую от камнепада огромную рыжию кошку – горного льва. Казалось, что пума не бежит, а летит, устремив округлую голову вперёд, лишь изредка касаясь лапами земли. Достигнув гребня, она, помогая мощным мускулистым хвостом, сделала крутой разворот и исчезла за скалистым останцем.

До чего гармоничное создание! В нём всё доведено до совершенства. Даже бежит так, словно из одолжения даёт нам возможность полюбоваться грациозностью своих движений. Эта красота

наверняка восхищала и живших здесь прежде народов и это родство ощущений как бы соединяло меня с ними сквозь века в одну общность...

Присутствие самого крупного хищника Южной Америки придало ущелью особый колорит. Я несказанно радовался тому, что успел сделать несколько снимков. Фотографии получились не чёткие, но кошка узнаваема.

Пока, ваш покорный слуга Камиль.

Следующая встреча, даст бог, в древней столице империи инков — городе Куско.